

Общая газ. - 1995 -
23 нояб. - с. 10

ТИХИЕ РАДОСТИ

Капитан Серебряного века

В.В. Бронгулеев. Посредине странствия земного. Документальная повесть о жизни и творчестве Николая Гумилева. Годы 1886–1913. М., «Мысль»

«Для большинства людей середина жизни находится между тридцатым и сороковым годом жизни, и думаю, что у людей, от природы совершенных, она совпадает с тридцатью пятым». Так написал Данте. Для большинства поэтов срок этот совпадает, в свою очередь, с изломом судьбы — так показывает опыт истории литературы. Николай Гумилев, другой поэт-скиталец, побывал на родине своего предшественника в 1912 году. Через девять лет он, как известно, погиб; и тогда ему было ровно тридцать пять...

«Предлагаемая книга посвящена детству, юности и началу зрелого возраста Н.С. Гумилева до тех лет включительно, которые можно было бы назвать «годами его дальних странствий» и которые завершаются рубежом, реально, а не календарно отделяющим XIX век от XX по крайней мере в России, — началом Первой мировой войны, — пишет в предисловии Вадим Бронгулеев.

В России — поэт, рыцарь слова, в Европе — ценитель искусства, на Ближнем Востоке — пилигрим, полунищий дервиш, в Абиссинии, наконец, — охотник, этнограф: метаморфозы Гумилева всегда поражали разнообразием форм. На photographиях он — то петербургский денди (благороден, бледен, строен), то пустынный, загорелый странник в халате среди туземцев: его сердце напитано морской солью, закатом в саванне и невским туманом — причудливый узор, серебряная мозаика...

Книга о нем — не мозаика. Канва, пронизывающая все события, — документальна: письма Гумилева к Брюсову («Многоуважаемый Валерий Яковлевич!») — от благоговейных до холодно-вежливых, и дневник путешествий, вторую часть которого автор, обладатель автографа, публикует, по всей видимости, впервые. Прибавим многочисленные фотографии, сделанные самим поэтом, — и толковый стиль самой повести, удачно сочетаясь с документальными вставками, создает тот эффект чтения, который называется «чтением взахлеб».

В судьбе каждого поэта есть скрытые — личные, витальные — мотивы, которые, оставаясь за пределами строк, во многом определяют характер их правописания. Ценность поэзии, то есть количество ее поэтических «карат», вряд ли меняется с открытием этих тайных струн — меняет-

Н. Гумилев. Рисунок М. Ларионова, 1917 г.

ся ее понимание. Стихи Мандельштама или Пастернака покидают судьбу своих создателей — и живут самостоятельно. Но судьба Гумилева — буквальный подстрочник его поэзии, ее парафраз.

В 1908 году петербургская богема твердила: «Гумилев — талантливый поэт, детище Брюсова». Уже тогда Николая Степановича записали в команду игристых конквистадоров мэтра с Цветного бульвара, и почти никто не заметил, что экзотический реквизит обоих поэтов имеет совершенно разную природу. Картонные рыцари Брюсова, колдуны и жрецы Востока — равно как и Рим — только обслуживали отнюдь не поэтические порывы и позывы Валерия Яковлевича, в то время как узорные сады души Гумилева искали земли благодатной, страны золотой — искали на разных континентах — но нашли? — неизвестно... И жирафы, и озеро Чад, пираты и капитанб — только фон, поиск мозаики для совмещения с узором души: совпадает ли с ней? — непонятно... Есть поэты, которые рождаются не в свое время и не на своем месте — таким отчасти был и Гумилев. Тайна верховьев Нила привлекла его куда больше, нежели тайна столичных туманов.

Болезненное самолюбие, множество нелепых и дерзких поступков в детстве, дуэль с Волошиным на Черной речке, осмеянная в газетах, романы и увлечения юности, но более — Муза его дальних странствий: вот кто дразнил его больше всего. И бесконечные отказы Анны Андреевны в его сватовстве, и — позднее — чуждость ее и почти злобность в семейной жизни с ним только утверждали курс его странствий — курс «прочь». Что делать! Путешествие всегда было лучшим лекарством от неурядиц.

Экзотика — пожизненный фон Гумилева. Возвращаясь из путешествий, он, вопреки традиции разочарованных циников от литературы, возвращался по-прежнему пылким поклонником своей Музы — в отличие, скажем, от Артюра Рембо, чьи стихи воплотили некий переходный этап его души. Возможно, впрочем, что жизнь Гумилева и была неким воплощением вечного перехода, и только путешествия — как позже офицерская форма — могли отразить его движение — под звездопадом морских ночей, под хохот гиен в пустыне, где — возможно ли? — отыщет поэт «девушку в венке великой жрицы», землю обетованную, самого себя...

В книге Вадима Бронгулеева есть и парижский период жизни Гумилева, о котором известно сравнительно мало, включая эпизоды с журналом «Сириус», который затеял поэт (три вышедших в Париже номера — редкость библиофила). Здесь же — перипетии с выходом в свет первых сборников, начало «Аполлона», «Бродячей собаки», путешествие по Италии.

Ровно на середине жизненного пути поэт исчез, перечеркнув своей смертью всяческую хронологию. Другое дело, что именно в этот период сложилась поэтика его творчества — так, видимо, до конца и не раскрывшаяся, — удивительно (отталкивающее и притягательно) совмещившая и тонкость романтического рисунка души, и лязг брони «конквистадора в панцире железном», мужество и негу, барабанный бой и кифары, звезды и вспышки орудий. И, завершая краткое путешествие в страну капитана Серебряного века, расставляя акценты по авторскому праву, закончим цитатой: «Пускай сирокко бесится в пустыне, / Сады моей души всегда узорны».

Глеб ШУЛЬПЯКОВ